

Н. И. Фатиев¹

КАЗУС РИХАРДА ВАГНЕРА В ОЦЕНКЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО (Советская культура 1930-х гг. и наследие Запада)

А. В. Луначарский, всем известный наш нарком просвещения, заинтересовал меня совершенно случайно. Разрабатывая для студентов курс по философии XX в., я прочитал очень много разной литературы, в том числе и эстетического свойства, с современными противоположными оценками и порой совершенно завиральными идеями. Все это никак не укладывалось в единое целое, пока я вдруг случайно не прочитал в сборнике, посвященном 50-летию со дня смерти Р. Вагнера, одну из последних статей Луначарского (нарком был уже смертельно болен). Эта статья все расставила по своим местам. У А. В. Луначарского был аналитический ум, он глубоко вник в идейную эволюцию Р. Вагнера не только как композитора, но и как мыслителя, автора работ по социальной метафизике и человека, который, по сути, «создал» Ницше как философа.

Последние 20 лет в нашей стране А. В. Луначарского — «интеллигента среди большевиков и большевика среди интеллигентов» — либо не упоминают вообще, либо упоминают в общем негативном контексте в связи со складывающейся политической конъюнктурой. Между тем, читая его литературно-художественную критику, поражаешься ее глубине и вневременности. Последнее относится и к его текстам о Р. Вагнере.

Музыкальное творчество Р. Вагнера в критике не нуждалось. Даже постановками этого музыкального гения наш зритель не был избалован: с 1917-го по конец 1970-х гг. их фактически не было. Исклю-

чение, подтверждающее правило, — постановка С. Эйзенштейном «Валькирий» в 1940 г., вероятно, на фоне попытки развития советско-германских отношений в канун войны. Но креативность личности немецкого гения не сводится только к музыке как таковой. Философски эта тема гораздо шире.

Тема Р. Вагнера в России XX в. осталась нераскрытой. Сначала этому мешало его политическое ренегатство, затем препятствием стали музыкальные вкусы нацистской верхушки и постыдное поведение в Третьем рейхе его родни (родня Ницше вела себя аналогично, но в какой мере великие ответственные за политический сервизизм своих будущих родственников, то есть потомков?). В связи с вышесказанным, тексты А. Луначарского о Р. Вагнере сохраняют актуальность, хотя они были написаны к юбилейной дате, вроде бы наспех, уже тяжелобольным человеком, но, тем не менее, демонстрируют ясность его позиции и глубину анализа. Кратко остановимся на некоторых ключевых темах.

Прежде всего — буржуазия и театр. Сейчас это противопоставление звучит как рынок и искусство. Наблюдая эллипс, описываемый обсуждением данной темы в современной художественной среде, замечаешь, как от разговора с благоговением и придыханием наши творцы переходят к базарной лексике на грани нервного срыва. Но Р. Вагнер, как напоминает нам А. Луначарский, уже все сказал по этому поводу. Театр либо храм, либо бизнес и гешефт. Либо жесткая обивка кресел для зрителей, как в Байрете, чтобы не расслаблялись и не засыпали, либо ресторан и дом терпимости (толерантности) прямо в партере... За примерами далеко ходить

¹ Профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук.

не надо, во всяком случае от Невского проспекта. Как сказал кто-то, новый миф не расскажешь старыми словами. А если очень старыми?.. «Театр не есть символ фривольности и времяпровождения. Театр есть в самом высоком смысле средоточие сознательной жизни народа...»

И еще одна важная, применительно к Р. Вагнеру, тема из статьи А. Луначарского — тема ренегатства: «Тридцать лет жил он (Вагнер. — Н. Ф.) в изгнании... революция лежала на земле со сломанными крыльями. Вагнер стал ренегатом. Но ренегат ренегату рознь. Есть легкомысленные, веселые ренегаты. Они охотно надевают золоченую ливрею нового господина».

Хочется спросить себя, откуда он все это знает? У бывшего наркома просвещения не могло быть нашего «телевизионного» опыта, он не мог видеть эти веселые лица прежних обитателей Старой площади на фоне символики новых политических брендов...

«Нет, Вагнер был не таков. Пойдя на службу к буржуазии и присмотревшись к новому миру, который открылся ему теперь с вновь занятых позиций, он ужаснулся». Это трагическое осознание открывшихся, отнюдь не радужных перспектив во все времена — один из мощных творческих стимулов. До известной степени это мирит А. Луначарского и нас с житейскими обстоятельствами композитора.

Но для историков идеологий наибольший интерес здесь представляет творческое, как сейчас пишут, креативное начало в присущем А. Луначарскому марксизме. «Горе тому, кто обеднит мир,

перечеркнув Вагнера цензорским карандашом», — пишет он. Да, история подсказывает нам, что впоследствии такие люди найдутся. Но с учетом более широкой исторической перспективы полезно осознавать, что идейное наследие А. Луначарского совсем не напоминает грядущей догматической окаменелости «Краткого курса».

В завершение хочу сказать, что мне всегда нравилось движение против течения господствующей философской моды. Так, господствующая сейчас философская мода не любит «левых» авторов 1920–1930-х гг., а среди них были очень умные люди, которые писали весьма интересные вещи. Когда читаешь оценку А. Луначарским проблематики «Театр и буржуазия», сразу выходишь на сегодняшнюю тему — «Рынок и искусство». И то, что написано об этом А. Луначарским, — живая иллюстрация тому, что творится сегодня у нас, допустим, с театром, который сейчас называется Михайловским. Интересно следующее: тот марксизм, который демонстрирует А. Луначарский, очень терпим к другим интеллектуальным традициям. *Бывает время собирать камни, бывает время разбрасывать камни.* Вот у Луначарского и происходит «собрание камней». Он пишет, что нельзя цензорским пером перечеркнуть Вагнера-мыслителя. Мы с позиций нашего времени понимаем, что потом наступят 1930-е гг. и найдутся цензорские перья, которые все перечеркнут, но на момент написания Луначарским этой статьи камни не разбрасываются, а, наоборот, собираются. Это очень интересно и имеет прямое отношение к истории идеологии в СССР.